

Письма Капитанъ-лейтенанта П. Воеводскаго А. П. Зонтагъ.

(Эпоха Севастопольской войны 1854—1855 г.)

1.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Оставляя Триэсть, я надѣялся скоро имѣть удовольствіе съ Вами встрѣтиться, и взялся доставить лично посылку Маріи Егоровны. Получивъ, противъ всякаго ожиданія, приказаніе отправиться прямо въ Черное море, я проѣду слишкомъ далеко отъ Тульской губерніи и потому спѣшу переслать посылку по почтѣ. Вы конечно уже знаете, что это дагеротипы и я прибавлю только, что они чрезвычайно какъ похожи; только у миленькой крошки Мери глазки вышли очень маленькіе, въ самомъ же дѣлѣ у нея очень большіе и прекрасные голубые глазки. Особенно удачно вышелъ портретъ Маріи Егоровны: у нея схвачено то самое выраженіе, которое не сходитъ съ ея лица, когда она посреди своего семейства, и которое такъ много говоритъ въ ея пользу.

Не будучи во всю жизнь никѣмъ такъ обласканъ, какъ Людвигъ Леопольдовичемъ и Марією Егоровною; принятый въ домъ, какъ родной, привязался я къ нимъ душой и грустно мнѣ было оставить Триэсть. Одно служило мнѣ утѣшеніемъ—это надежда встрѣтиться съ Вами, чтобъ передать то, чему былъ свидѣтелемъ въ продолженіе 8 мѣсяцевъ; чтобъ описать хоть сколько-нибудь картину совершеннаго счастья, которымъ они наслаждаются. Но судьбѣ угодно иначе и предположеніе мое выѣхать къ Вамъ въ Мишенское, по пути изъ Петербурга въ Севастополь, не осуществилось. О! многое, очень многое хотѣлось бы мнѣ передать Вамъ. Воображаю съ какимъ нетерпѣніемъ Вы слушали бы малѣйшія подробности, а для меня не могло бы быть

пріятнѣе препровожденія времени, какъ говорить о Триэстѣ.—Воспоминанія о немъ надолго останутся самыми блестящими точками на безцвѣтномъ и однообразномъ горизонтѣ моей жизни.

Понимая, какъ дороги должны быть для Васъ посылаемые портреты, долженъ сказать, что и съ своей стороны я не буду покоенъ, пока не узнаю, что они дошли по назначенію, а потому рѣшаюсь просить Васъ убѣдительно увѣдомить меня, когда получите ихъ, адресуя ко мнѣ: *въ Севастополь, Капитанъ Лейтенанту Воеводскому.*

Прошу Васъ вѣрить чувствамъ глубокаго уваженія и преданности, съ которыми имѣю честь быть

Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій.

P. S. Знаю, что слишкомъ мало говорилъ о тѣхъ, о комъ хотѣлось бы Вамъ слышать, но черезъ нѣсколько минутъ *сажусь въ почтовую бричку* и это можетъ служить мнѣ извиненіемъ.—Въ первый четвергъ, въ который будете писать, прошу Васъ передать мое искреннее почтеніе Маріи Егоровнѣ и Людв. Леопольдовичу.

10 Апрѣля 1854. Варшава.

2.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Вотъ уже три дня, какъ письмо Ваше лежитъ у меня безъ отвѣта, но это только потому, что послѣднее время я былъ съ фрегатомъ въ морѣ. Блокада нашихъ портовъ существуетъ только на бумагѣ.

И кажется писалъ уже Вамъ, что одинъ изъ нашихъ пароходовъ сжегъ нѣсколько Турецкихъ судовъ.—Въ настоящее время иностранныя газеты нападаютъ за это на своихъ адмираловъ и чрезвычайно бранятъ ихъ. Что то скажутъ онѣ, когда узнаютъ, что двѣ недѣли назадъ повторилось тоже самое, и опять у самага Босфора?—

Я много виноватъ передъ Вами въ неаккуратности послѣдняго письма моего. Не помню, что помѣшало мнѣ, но только мнѣ не удалось сказать многого, что хотѣлось, а именно: поговорить о Вашихъ знакомыхъ. Поклонъ Вашъ я передалъ одному П. М. Вукотичу, его это очень порадовало и онъ разспрашивалъ подробно, гдѣ Вы живете. Кажется, онъ собирается самъ къ Вамъ писать, а между прочимъ просилъ засвидѣтельствовать Вамъ почтеніе.—За прямодушіе и рѣдкое безкорыстіе, онъ пользуется общимъ уваженіемъ и вообще имѣетъ столько достоинствъ, что несмотря на то, что три раза имѣлъ несчастіе сходить съ ума, въ настоящее время онъ опять на дѣйствительной службѣ.—Онъ совершенно здоровъ и на эскадрѣ четвертымъ Адмираломъ. Никто не сомнѣвается, что корабль свой онъ подведетъ вплоть къ непріятелю, а больше ничего и не нужно.—

Трудно описать, какое одушевленіе и какой порядокъ на всемъ флотѣ. Я думаю, это самая блестящая эпоха его. Встрѣчи съ непріателемъ ждуть, какъ праздника, и будь онъ въ равныхъ силахъ, нѣтъ сомнѣнія, что успѣхъ будетъ на нашей сторонѣ.—

Но я опять уклонился отъ предмета, и обращаюсь къ Н. Мих. Столюковичу. Онъ Вице-Адмиралъ и Военный Губернаторъ Севастополя. Привычка жить не по состоянію, или вѣрнѣе выразиться: беспорядочная жизнь и семейство изъ 4-хъ или 5 человекъ, вѣроятно, оправдываютъ въ его глазахъ дѣйствія, клонящіяся не для пользы ближняго, а къ собственной Его Превосходительства выгодѣ.—Его супруга, Люб. Ѳедотьевна, здравствуетъ.—Охотница пощеголять: несмотря на свою древность, одѣвается по картинкѣ, и ее нельзя видѣть безъ смѣха.—

Ѳед. Иван. Рачъ человекъ совсѣмъ другого рода. Онъ въ чинѣ Генер.-Маіора и командуетъ какою то частью Ластовыхъ экипажей, а слѣдовательно военную карьеру долженъ считать оконченною, за то онъ извѣстенъ, какъ прекрасный, весьма добрый человекъ. Въ семействѣ совершенно счастливъ, на трудовую копейку построилъ хорошенькій домикъ и имѣетъ хуторъ, который приноситъ ему доходъ.

Ни на службѣ, ни въ частномъ быту, я никогда съ нимъ не встрѣчался—вотъ причина, что не передалъ Вашего поклона.—

Тихо и покойно было все, когда я началъ письмо это, но вотъ на Телеграфѣ даютъ знать, что виденъ непріятельскій флотъ, а къ вечеру

106 судовъ съ десантомъ стали у мыса Лукула, верстахъ въ 40 отъ Севастополя. Все ожило и закипѣло у насъ. Мѣсто высадки обозначилось и наши собираются со всѣхъ сторонъ.—Къ полдню у нихъ было свезено до 15 тысячъ; дѣла еще не было—завтрешній день рѣшить многое.—Мѣстность гористая, чрезвычайно намъ благопріятная, войска довольно и съ Божіею помощію ожидаемъ успѣха.—На всякій случай изъ моряковъ составили 8 батальоновъ, въ которыхъ до 6000 челов.

Я командую однимъ изъ батальоновъ и весь день прошелъ въ формированіи и изготовленіи его. Съ фрегата своего я взялъ 300 челов.; но самое трудное было выбрать 70, которые должны остаться: всѣ хотять идти въ дѣло, просятъ какъ особенной милости, чтобъ взять съ собой, и я былъ въ затрудненіи.—Чего не сдѣлаешь съ эдакими людьми?—

Отъ души благодарю Васъ за Ваше ко мнѣ участіе, которому я знаю цѣну. Ладонку сдѣлалъ и надѣлъ съ полною вѣрою. Молю Бога, чтобы далъ возможность исполнить долгъ свой, и чтобъ потомъ привела судьба съ Вами увидѣться.

Извѣстіе о Маріи Егоровнѣ меня очень порадовало. Я былъ такъ счастливъ, что самъ получилъ отъ нея письмо изъ Вѣны. На слѣдующей почтѣ буду писать о дѣйствіяхъ непріятели и надѣюсь порадовать Васъ, а теперь съ чувствомъ истиннаго почтенія и глубокой преданности имѣю честь быть Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій

P. S. Фрегатъ мой называется Сизополь.

2 Сентября 1854. Полночь.

3.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Спѣшу воспользоваться немногими свободными минутами, чтобъ написать Вамъ нѣсколько словъ о томъ, что у насъ дѣлается.

Непріятель высадилъ до 75 тыс., стоитъ на равнинѣ подъ защитою своихъ кораблей и дальше не трогается.—Нашихъ до 50 тыс.

окружаютъ непріятеля со всѣхъ сторонъ и куда бы онъ не тронулся, онъ долженъ брать высоты, занятыя нашими войсками и артиллеріею.—Войска прибываютъ къ намъ безпрестанно со всѣхъ сторонъ и каждый часъ, что непріятель не двигается, для насъ огромная выгода. Артиллеріи у насъ гораздо больше и успѣхъ несомнителенъ. Одушевленіе въ войскахъ необыкновенное, а казаки не даютъ покоя ни одну ночь. Пробираются въ самую средину лагеря, таскаютъ лошадей и людей, и такъ удачно, что хотя не было еще перестрѣлки, а плѣнныхъ до 100 челов.

На корабляхъ переходъ войскъ продолжителенъ и люди измучены; кажется, нейдутъ впередъ, чтобъ поправиться. Нашимъ этого не нужно.—

Для защиты Южной части города сформированы батальоны изъ моряковъ; я командую однимъ изъ нихъ и у меня до 600 человекъ.

Всякая похвала людямъ будетъ недостаточна; только въ такое тяжкое время можно оцѣнить ихъ. Прощайте. Если Богъ приведетъ пережить до слѣдующей почты, опять буду писать къ Вамъ, а теперь съ чувствомъ истиннаго почтенія и преданности остаюсь почитающій Васъ

Платонъ Воеводскій

7 Сентября 1854.

4.

Дѣла наши идутъ незавидно: войска отступаютъ и берутъ другую позицію. Наша потеря въ сраженіи 8 Сентября до 4-хъ тыс. Непріятель потерялъ столько же.

Пишу въ большихъ хлопотахъ и потому неаккуратно. На слѣдующей почтѣ письма не ждите. Кромѣ того, что будетъ некогда, да Татары начинаютъ шалить и грабятъ по дорогамъ и почта ходитъ съ опасеніемъ.

Весь Вашъ Платонъ Воеводскій

10 Сентября 1854.

5.

Положеніе наше, Почтенная Анна Петровна, вполне незавидное. Сегодня шестой день, какъ насъ бомбардируютъ съ берегу и моря.—

Съ Южной стороны, откуда ведется главная атака, нѣтъ у насъ, какъ Вы знаете, никакихъ укрѣпленій. Во время отступленія Князя *) успѣли поставить много пушекъ, насыпали валы, но стѣнъ или рововъ и вообще принадлежностей крѣпости нѣтъ и слѣдовъ, и главная защита—это грудь матросская.

Артиллерія непріятельская самага огромнаго размѣра, 48 и 68 фунтовые, бьютъ чрезвычайно далеко. Городъ разрушаютъ; людей убываетъ изъ фронта много, а Князь стоитъ по близости и не трогается. Чѣмъ все это кончится—знаеть одинъ Богъ, а я думаю, что спасти Севастополь можетъ одно Провидѣніе.

Самое тяжелое, что нѣтъ надежды на лучшее войско, у Князя кажется мало.

Много было прекрасныхъ подвиговъ у насъ, много еще будетъ. Но тяжелѣе всего то, что, кажется, въ Россіи думаютъ, и Князь увѣрилъ и Государя, что Севастополь укрѣпили, тогда какъ я повторяю, что ихъ (укрѣпленій) не существуетъ.—Вчера охотники пробрались ночью въ непріят. траншеи и испортили и заколотили 9 орудій.

Извините за неаккуратность: пишу подъ ядрами и только желаніе мое оправдаться передъ Вами въ случаѣ несчастія заставляеть меня взяться за перо.—Я думаю, это можетъ служить лучшимъ доказательствомъ моего къ Вамъ уваженія.

Если Богъ дастъ пережить—буду непременно у Васъ.

Маріи Егоровнѣ прошу Васъ передать мой искренній привѣтъ, также и Людв. Леопольдовичу.—Писать къ нимъ теперь не время. Душой и сердцемъ преданъ Вамъ

Платонъ Воеводскій

10 Сентября.

Владимиръ Алексѣевичъ *Корниловъ* умеръ истиннымъ героемъ—потеря невознаграждаемая. Я завидую Петр. Марковичу (Вукотичъ): онъ снова лишился разсудка, за то, по крайней мѣрѣ, не знаетъ нашего положенія.

*) Кн. Меншиковъ, Главнокомандующій.

6.

Дѣла наши поправились и скоро надѣюсь чѣмъ-нибудь порадовать, а были послѣднее время плохи. Почтовую дорогу непріатель занялъ и сообщенія съ Крымомъ не было, вотъ причина моего молчанія. Не безпокойтесь на будущее время. Теперь пишу съ парохода, можетъ удастся проскочить.

Прошу объ одномъ: увѣдомить Марію Егоровну, что дѣла вовсе не такъ худы, какъ разглашаютъ, и напрасно, чтобы не вѣрили иностраннымъ газетамъ.

Пл. Воеводскій

18 Сентября 1854 г.

Я въ лагерѣ—пишу на барабанѣ.

7.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Конечно, мнѣ не нужно увѣрять Васъ, что только одна невозможность переслать письмо была причиною моего молчанія.

Теперь, когда почтовый трактъ очищенъ отъ непріателя, и контора возобновила свои дѣйствія, спѣшу сказать Вамъ нѣсколько словъ о нашемъ положеніи.—

8-го Сентября непріательскія войска, въ числѣ до 70 т., напали на наши. Кн. Меншиковъ, считавшій позицію свою неприступною, обманулся въ своихъ предположеніяхъ.—

Часть непріат. войскъ была перевезена на корабляхъ и пароходахъ; они-то обошли нашъ лѣвый флангъ и были главною причиною отступленія. Меншиковъ такъ мало этого ожидалъ, что на лѣвомъ флангѣ *вовсе* не имѣлъ артиллеріи, а вся она была сосредоточена на правомъ и въ центрѣ. Ошибка непростительная тѣмъ болѣе, что числомъ орудій мы имѣли преимущество передъ непріателемъ.—

Много было въ этотъ день примѣровъ личной храбрости и рѣдкаго самоотверженія, но не доставало главнаго: порядка, и непріатель

имѣеть право хвалиться побѣдою, такъ какъ за нимъ осталось поле сраженія, два орудія и много нашихъ раненыхъ. Изъ нихъ 340 человекъ перевезены Англичанами въ Одессу.

Московскій полкъ пришелъ изъ Керчи только за часъ передъ сраженіемъ и послѣ 60-ти верстнаго перехода едва имѣли время, чтобъ вздохнуть свободно.—Люди были истомлены и положеніе ихъ было незавидное. Долго стояли они въ оврагѣ подъ огнемъ непріятельской артиллеріи, не нанося никакого вреда, и только впослѣдствіи приняли дѣйствительное участіе; изъ полка выбыло 1100 человекъ солдатъ и 26 офицеровъ. Это мнѣ извѣстно положительно, такъ какъ въ настоящее время мой батальонъ стоитъ рядомъ съ Москвитцами.—Владимирскій полкъ ходилъ нѣсколько разъ въ штыки, но бесполезно, потому что непріатели отступали и уничтожали колонны артиллеріею и ружейнымъ огнемъ.—

Отступленіе войскъ было самое беспорядочное. Не было сдѣлано никакихъ распоряженій и всякій шелъ, куда попало. Если бы непріатель насъ преслѣдовалъ, наша армія была бы уничтожена и мы непременно лишились бы всей артиллеріи. Къ счастью, онъ далъ время разсѣяннѣмъ войскамъ собраться черезъ нѣсколько дней.—Вся потеря наша убитыми и ранеными простирается до 6000, а у непріателя до 4000 человекъ.—

6 числа утромъ, всѣ Адмиралы и Капитаны были собраны на военный совѣтъ. Начальникъ Штаба объявилъ, къ общему удивленію, что Князь рѣшился покинуть городъ и флотъ, такъ сказать, на жертву непріателю, а самъ съ войскомъ отступалъ. Нач. Штаба предложилъ, и это было принято большинствомъ, выдти со всѣмъ флотомъ въ море и дать сраженіе. Непріатель имѣлъ 25 кораблей, мы—14-ть. Результатъ ни для кого не былъ задачею, но, по крайней мѣрѣ, можно было бы умереть съ честію. Князь не согласился и на это (послѣдствія его оправдали), а приказалъ утопить на фарватерѣ нѣсколько кораблей, чтобъ помѣшать входу непріателя въ Севастополь. Пять кораблей и два фрегата были обречены на это, въ числѣ ихъ и мой Сизополь.—

Что я чувствовалъ, прорубая свой фрегатъ, не стану описывать, скажу только, что, вѣрно, немногимъ приходилось испытывать подобное чувство. Въ 11 часовъ ночи я прорубилъ его—въ 2 часа онъ съ страшнымъ трескомъ погрузился на дно въ глазахъ моихъ.

Князь отступилъ и нѣсколько дней никто не зналъ, гдѣ онъ находится. Во всѣхъ укрѣпленіяхъ на Сѣверной сторонѣ не остава-

лось и 1000 чел. гарнизону, и непріятель легко могъ ихъ занять безъ потери.—Въ такомъ критическомъ положеніи Нач. Штаба принялъ на себя начальство надъ всею Сѣвѣрною стороною. Изъ экипажей затопленныхъ судовъ сформировали батальоны; свезли часть командъ съ другихъ кораблей и такимъ образомъ въ главномъ укрѣпленіи составилъ гарнизонъ до 9000 чел. Въ тоже время Пав. Степан. Нахимовъ взялся укрѣплять городовую сторону. Работали день и ночь: рыли шанцы, свозили корабельныя орудія и устанавливали ихъ. Много было сдѣлано, но доставало главнаго—гарнизону.—

Всѣ ожидали, что на высотахъ Инкерманскихъ Князь дастъ сраженіе. Гористая мѣстность представляла множество выгодъ и были мѣста, которыя могли бы сдѣлаться новыми Термопиллами.—

Не желая ослаблять силъ своихъ, непріятель не тронулъ Сѣв. укрѣпленій и пошелъ за Княземъ.

14-го Сентября слышна была пушечная пальба, а въ ночь узнаемъ, что Князь *пропустилъ* непріятеля: перешелъ самъ со всѣмъ войскомъ на Сѣвѣрную сторону, а ему отдалъ Городовую. Второй разъ былъ Севастополь, такъ сказать, въ рукахъ непріятеля, но Провидѣніе хранило насъ, пославши намъ такихъ начальниковъ, какъ Вл. Алексѣев. Корниловъ и Пав. Ст. Нахимовъ.

Въ нѣсколько часовъ всѣ войска (кромѣ 800 чел.) были перевезены съ Сѣвѣрной стороны въ городъ. На корабляхъ оставили по нѣсколько человѣкъ, изъ остальныхъ сформировали батальоны и такимъ образомъ составилось 14 тыс. гарнизону, готовыхъ умереть на стѣнахъ города.

Въ прекрасной рѣчи людямъ пояснили наше положеніе; объявили, что намъ нѣтъ поддержки, и что, кромѣ Бога и самихъ себя, не на кого надѣяться. На послѣднія слова: что Государь и вся Россія ждуть отъ насъ этой услуги—громкое, единодушное ура было отвѣтомъ. Тотчасъ же принялись за работы и на батарее въ 5 орудій явилось 54 корабельныхъ. Покоясь на лаврахъ, непріятель не торопился, пропустилъ 2 дня, а когда подошелъ, то увидѣлъ, что у насъ 120 орудій тамъ, гдѣ по словамъ лазутчиковъ ихъ не было вовсе.

Въ настоящую минуту ихъ 260 и къ нимъ 25 тыс. гарнизону. Сказать правду, мы вздохнули свободнѣе съ 21 числа, когда Князь прислалъ къ намъ нѣсколько полковъ. Постоянно ждемъ штурма, но непріятель не рѣшается покамѣстъ, не знаемъ, что будетъ дальше.

Князь съ 25 тыс. стоять у нихъ въ тылу. Черезъ 4 дня ждемъ дивизию Г.-Лейтенанта Липранди; за ней идутъ еще войска и если Богъ дастъ продержаться еще недѣлю, тогда будемъ совсѣмъ покойны, а въ ожиданіи этого живемъ на бивакахъ. Наступаетъ холодное время, но больныхъ у насъ нѣтъ. Къ намъ перебѣжали шестеро Англичанъ и объявили, что терпятъ нужду въ провизіи и водѣ, но больше ничего неизвѣстно. Вотъ все, что могу сказать въ настоящее время; пишу въ палаткѣ и на барабанѣ и потому не удивляйтесь неаккуратности письма. Съ чувствомъ истиннаго почтенія и совершенной преданности остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга

Платонъ Воеводскій

27 Сентября 1854 г.

8.

Вчера писалъ я Вамъ, Многоуважаемая и Почтенная Анна Петровна, о незавидномъ нашемъ положеніи, а сегодня спѣшу подѣлиться вѣстью болѣе отрадною: войскъ много прибыло и скоро начнутъ дѣйствовать иначе; покамѣстъ не могу сказать ничего болѣе, но есть вѣроятности, что скоро мы будемъ въ лучшемъ положеніи.—

Не знаю, какъ благодарить за письмо Ваше отъ 24 Сентября, въ которомъ такъ много высказывается столь цѣнное мною Ваше расположеніе.—

Я очень радъ, что Вамъ извѣстно, что Севастополь съ Южной стороны не укрѣпленъ и, слѣдовательно, отдадите справедливость тѣмъ, которые отстояли его, такъ сказать, своей грудью. Впродолженіе 5 дней его защищали одни моряки противъ всѣхъ непріятельскихъ силъ, но предводимые своими достойными Адмиралами, они могли сдѣлать многое.

Ночью подошелъ транспортъ пороха, что меня не мало порадовало, такъ какъ недостатокъ былъ ощутителенъ.—

Сегодня 7-й день бомбардировки, но, слава Богу, легче, чѣмъ въ тѣ дни; причина одна изъ двухъ: или перебили много хорошихъ артиллеристовъ—или недостатокъ снарядовъ.—

Каждый день ознаменовывается подвигами истиннаго и рѣдкаго мужества: въ особенности отличается наша молодежь. Описывать

теперь некогда. Вообще прошу извинить за неаккуратность письма: пишу на бивакахъ и въ добавокъ подъ ядрами.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія остаюсь преданный и уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій

11 Октября 1854.

9.

Спѣшу подѣлиться съ Вами, Почтеннѣйшая Анна Петровна, нашею радостію: вчера начали наши войска (кажется, по повелѣнію Государя) наступательное движеніе и одержали верхъ; слѣдствіемъ прекрасныхъ распоряженій начальствовавшего Геп.-Лейтенанта Липранди было взятіе 4-хъ редутовъ и 11-ти орудій. — Князь тотчасъ же сообщилъ о побѣдѣ въ Севастополь и когда объявили матросамъ, громкое ура было отвѣтомъ, и первый разъ развеселились они въ продолженіе 9 тяжелыхъ дней. — Сегодня 10-й день бомбандировки. Оттого ли, что двинулись наши войска, или у непріятелей осталось мало снарядовъ, только вчера и сегодня перестрѣлка гораздо тише. Видно, что она всѣхъ утомила; въ первые дни начинали въ 6 часовъ утра и продолжали непрерывно 12 часовъ, теперь же начинаютъ въ 7 и кончаютъ въ 5¹/₂.

Непріятель имѣетъ важное преимущество передъ нами: каждое ядро его или бомба, которыя не попадутъ въ наши батареи, летятъ въ городъ, его же войска, кромѣ дѣйствующихъ у орудій, невредимы, потому что лагерь внѣ выстрѣловъ. На зажигательные снаряды онъ не скупится и множество бомбъ и Конгревовыхъ ракетъ пущено въ городъ, но зданія всѣ каменные и пожаровъ мало.

Не помню, писалъ ли я Вамъ, что въ первый день бомбандировки участвовали ихъ корабли, сперва 8 англійскихъ, а черезъ 3 часа ихъ смѣнили столько же французскихъ. Самый меньшій изъ кораблей имѣлъ 84 пушки, слѣдовательно съ одной этой стороны дѣйствовало около 800 орудій, не считая пароходовъ. Но, кажется, имъ съ перваго раза отбили охоту къ подобнымъ предѣлкамъ и больше они не подходятъ. Всѣ дѣйствія ихъ арміи съ Южной стороны, гдѣ дѣйствительно не было ни одной пушки и ихъ поставили только послѣ сраженія при Альмѣ, или вѣрнѣе выразиться, послѣ того, какъ Князь отказался отъ Севастополя. —

Къ 20-му Октября должны прибыть еще 2 дивизіи подъ начальствомъ Генераловъ Павлова и Соймонова. Тогда, конечно, начнется общее наступленіе, а Липранди долженъ былъ остановиться на короткое время, чтобы укрѣпить взятые редуты.

Потеря наша въ людяхъ значительна, да и можетъ ли быть иначе, когда всѣ батареи заняты моряками.—Въ особенности несчастливы на офицеровъ: можно выразиться, что убываетъ цвѣтъ нашего флота; въ настоящее время убитыми и ранеными мы лишились 15 Штабъ-Офицеровъ и болѣе 30 Оберъ-Офицеровъ. Яновскій живъ и здоровъ, но со дня бомбандировки я не видалъ его.—Надо было назначить на 4-хъ-пушечную батарею дѣльнаго офицера и выборъ мой палъ на него.—Теперь онъ въ двухъ верстахъ отъ меня, но по дѣйствию батареи я вижу, кто ею управляетъ. Третьяго дня мнѣ сказали, что онъ раненъ; я послалъ офицера провѣдать его, и къ крайнему удовольствію узналъ, что это неправда. При первой встрѣчѣ я передамъ ему, какое участіе Вы берете въ немъ, а теперь позвольте отъ обоихъ насъ искренно Васъ поблагодарить.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія и совершенной преданности имѣю честь быть Вашимъ покорнымъ слугой

Платонъ Воеводскій

Октября 14-го 1854.

10.

Милостивая Государыня

Анна Петровна!

Пропустилъ двѣ почты, чтобъ потомъ порадовать Васъ вѣстію о началѣ наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны; дождались, наконецъ, мы этого, и все таки не могу сказать ничего пріятнаго.—

Вчера было дѣло, не давшее намъ никакого перевѣса. У насъ было до 50 тыс. Солдаты шли храбро. Заставили сперва отступить непріятеля и заняли даже одну значительную батарею, но не были поддержаны и въ свою очередь должны были отступить. Мы могли удержать позицію и Князь хотѣлъ этого, но командовавшій центромъ Генер. Даненбергъ отступилъ, какъ говорятъ, безъ приказанія и вслѣдствіе этого всѣ войска отступили на старыя мѣста, въ Севастополь. У насъ потеря около 2000; у непріятеля говорятъ больше, что весьма вѣроятно,

но такъ какъ наши отступили, то, пожалуй, будетъ тщеславиться побѣдой.— Неудачи приписываютъ тому, что составившій планъ атаки Генераль Соймоновъ раненъ при самомъ началѣ дѣла, да и началъ онъ, не выждавши другихъ. По моему мнѣнію, главная причина—недостатокъ распорядительности, за что мы не очень признательны, такъ какъ бомбандировка Севастополя не только не прекращается, но сегодня сильнѣе, чѣмъ была въ послѣдніе дни. Вѣроятно, пройдетъ еще нѣсколько времени прежде, чѣмъ опять начнутъ дѣйствовать, такъ какъ убито и ранено много офицеровъ, въ томъ числѣ полковыхъ и батальонныхъ командировъ, и вообще надо привести въ порядокъ войска.—

Много порадовали и ободрили *всѣхъ* своимъ присутствіемъ прибывшіе вчера Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Они благодарили насъ отъ имени Государя и вообще были чрезвычайно ласковы.—

Такъ какъ мы, флотскіе, не избалованы въ этомъ отношеніи, то и цѣнимъ это чрезвычайно высоко. Князья остаются въ Севастополѣ.—

Вотъ все, что могу Вамъ сказать въ настоящее время, и пока обстоятельства не измѣнятся къ лучшему, врядъ ли буду писать.— Съ прибытіемъ войскъ считаю потерю Севастополя невозможной.

Маріи Егоровнѣ и всему семейству ея мой самый искренній поклонъ.

Съ чувствомъ истиннаго почтенія и преданности остаюсь Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій

Р. С. Ив. Сем. Яновскій свидѣтельствуетъ Вамъ почтеніе, Акимова же не удалось видѣть. У Князя всего войска, считая и Севастопольскій гарнизонъ, до 130 тысячъ.—

25 Октября 1854 года.

11.

Откровенно сознаюсь Вамъ,

Почтенная Анна Петровна,

что не хотѣлъ писать къ Вамъ, пока не буду въ состояніи сказать что нибудь радостное или хоть сколько нибудь пріятное; но Ваше дружеское, полное пріязни письмо отъ 13 Октября заставляеть меня опять взяться за перо.

Право, не нахожу словъ, чтобъ благодарить Васъ за Ваше ко мнѣ расположеніе.—Вы повѣрите мнѣ, когда скажу, что съ тѣхъ поръ, какъ десять лѣтъ назадъ имѣлъ я несчастіе лишиться матушки, никто не высказывалъ мнѣ столько пріязни.

Теперь къ дѣлу! Положеніе наше то же самое: какъ и прежде—насъ бомбандируютъ: по прежнему увѣрены, что отстоимъ городъ, и по прежнему люди выбываютъ изъ строя; впрочемъ, съ нѣкоторыхъ поръ они палятъ гораздо меньше, а въ послѣдніе три дня едва пустили по нѣсколько ядеръ. Вѣроятно, у нихъ недостатокъ въ снарядахъ. Между тѣмъ они окапываются, строятъ редуты и вообще укрѣпляются; по временамъ замѣтно движеніе войскъ, но что думаютъ они предпринять,—это никому неизвѣстно. Я думаю, что они укрѣпляютъ свой тылъ, чтобъ обезопасить себя отъ войскъ Липранди, и тогда попробуютъ сдѣлать нападеніе на Севастополь. Это слишкомъ заманчиво для ихъ славы, да и очень нужно, чтобъ имѣть безопасное убѣжище для судовъ.—Стоять эскадрѣ зимою тамъ, гдѣ она стояла до этихъ поръ—рѣшительно невозможно, а въ Балаклавской бухтѣ слишкомъ тѣсно. *Второе Ноября, вѣрно*, заставило ихъ призадуматься; въ этотъ день жестокимъ морскимъ вѣтромъ выброшено до 30 судовъ, въ томъ числѣ одинъ турецкій корабль, два фрегата и два парохода; девять большихъ транспортовъ и остальные купеческія суда.—Транспорты были съ провіантомъ и снарядами; на 2-хъ купеческихъ судахъ были только что привезенные французскіе гусары, а на остальныхъ находился уголь и другіе запасы.

Суда разбросаны на пространствѣ отъ Балаклавы до Кизлова. Такъ какъ и 3-го числа волненіе было огромное, то, вѣроятно, не удастся спасти ни одного изъ судовъ, а нѣкоторые намъ удалось сжечь.

Послѣ сраженія 24-го Октября наши оправились совершенно, но ничего не предпринимали, да Богъ знаетъ, и предпримутъ ли чтонибудь? Планъ Меншикова, ежели у него и есть какойнибудь, конечно, никому неизвѣстенъ. Не хотятъ ли представить времени и, такъ сказать, вымораживать непріятели? Въ нашемъ краѣ это не совсѣмъ удобно, такъ какъ до этихъ поръ погода стоитъ чрезвычайно теплая. Конечно, неудобство этого рода войны болѣе ощутительно для защитниковъ Севастополя, чѣмъ для арміи. Несомнѣнно одно, что непріятель укрѣпляется и что съ каждымъ днемъ труднѣе и труднѣе будетъ выбить его изъ позиціи.

Война имѣетъ дурное вліяніе на человѣка въ нравственномъ отношеніи. Обыкновенно съ ужасомъ и участіемъ слышимъ о крушеніи,

теперь сердце радуется, узнавши о гибели 30 судовъ. Впрочемъ, это ожесточеніе извинительно тѣмъ, кого бомбандируютъ болѣе мѣсяца. Я началъ письмо рано утромъ, когда кругомъ была тишина, кончаю его подъ наскучившую всѣмъ давно музыку ядеръ.—Надо отдать справедливость непріятелямъ: они дѣйствуютъ благоразумно, осторожно и навѣрное.—Къ сожалѣнію, не могу сказать того же о нашихъ.

Я въ той надеждѣ, что горячія мольбы Россіи будутъ услышаны, и Провидѣніе ниспошлетъ намъ свою помощь—безъ этого намъ плохо.

О малѣйшей самой незначительной удачѣ, я тотчасъ же сообщу Вамъ, описывать противное этому и груство и тяжело.

Маріи Егоровнѣ, Люд. Леопольд. и Аннеточкѣ прошу передать мой искренній привѣтъ.

Глубоко уважающій и душевно преданный Вамъ

Платонъ Воеводскій

Сейчасъ принесли мнѣ вѣрное извѣстіе, что вчера вечеромъ 2 колонны Англичанъ отправились вырѣзать нашу цѣпь; въ цѣпи были матросы, всего съ подкрѣпленіемъ до 250 челов.: они бросились въ штыки, отняли 20 челов. плѣнныхъ, нѣсколькихъ убили и остальныхъ прогнали.

9-го Ноября 1854.

12.

Только вчера получилъ я,

Почтеная Анна Петровна,

письмо Ваше отъ 28-го Октября. Право не знаю, какъ благодарить Васъ.—Вы не можете себѣ представить, какъ полезны мнѣ Ваши письма: полныя вѣры и упованья на помощь Всемогущаго, они подкрѣпляютъ и меня; а сознаюсь Вамъ чистосердечно, мнѣ это нужно.— Не то, чтобъ положеніе наше было отчаянное. Нѣтъ! Оно гораздо лучше, чѣмъ прежде, но, все же, не видать исхода этой несчастной экспедиціи и невольно возлагаешь надежду на одно Провидѣніе. Положеніе наше почти то же, только дѣйствіе непріятельской артиллеріи почти прекратилось. По словамъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, они ждуть

подкрѣпленія и тогда, уничтоживши нашу артиллерію, пойдутъ на штурмъ. Конечно, это легче сказать, чѣмъ исполнить.—Въ настоящее время они усиливаютъ свои батареи—мы дѣлаемъ то же.—

На штурмъ собираются Французы, а у Англичанъ пропала охота; у нихъ, кромѣ холеры, цынга, а въ войскахъ, расположенныхъ ближе къ Инкерману, господствуетъ лихорадка, сопровождающаяся странными симптомами: на человѣка находятъ какая то *дурь*, и онъ дѣлается неспособнымъ мыслить. Думая, что люди притворяются, начали лѣчить по своему, но нѣсколько человѣкъ умерли вскорѣ послѣ наказанія, и тогда увидѣли ошибку.

Кромѣ этого, они лишились четырехъ лучшихъ Генераловъ.

Каткартъ убитъ; начальникъ всей артиллеріи тоже; *Кемпбелъ* по словамъ однихъ убитъ, по другимъ раненъ; *Броунъ* раненъ. Все это причиною упадка духа, и чтобъ поддержать, Рагланъ общалъ имъ скорое возвращеніе, только сперва онъ хочетъ сжечь русскій флотъ, а взятіе Севастополя въ настоящую минуту считаютъ неудобнымъ. Прибытіе подкрѣпленія (они ожидаютъ всего до 30 тыс.) можетъ измѣнить образъ ихъ дѣйствія и предпринять что нибудь рѣшительное. Вчера выбѣжали къ намъ два Бельгійца и объявили, что у Французовъ тоже много больныхъ. Одинъ изъ нихъ очень сердитъ на своихъ и рассказалъ подробно устройство батарей. Они все еще увѣрены, что возьмутъ Севастополь.

Плѣнные показываютъ, что Наполеонъ велѣлъ взять Севастополь во что бы ни стало, и что, получивши подкрѣпленіе, Французы пойдутъ на штурмъ одни, а Англичане будутъ прикрывать лагерь: я считаю это возможнымъ. Вотъ въ какомъ положеніи мы въ настоящую минуту.

Можетъ быть, я сказалъ бы и больше, да боюсь цензуры: говорятъ, что письма прочитываютъ и многія не отсылаютъ.—Прежнія я имѣлъ возможность отсылать до Кіева не по почтѣ. Потеря наша 24-го Октября была до 9000 человѣкъ и показана въ донесеніи вѣрно.

Въ заключеніе, позвольте поздравить съ наступающимъ Новымъ Годомъ и пожелать, чтобъ онъ прошелъ для Васъ, а слѣдовательно и для дорогого нашего отечества, счастливо.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь душевно преданный Вамъ

Платонъ Воеводскій

Р. С. Ив. Сем. Яновскій свидѣтельствуетъ Вамъ почтеніе.

Маріи Егоровиѣ, Аннеточкѣ и Люд. Леопольдовичу прошу передать мой искренній привѣтъ, также и отъ Яновскаго.

26 Ноября 1854.

13.

Почтенная Анна Петровна!

Только покойная Матушка могла писать ко мнѣ такъ, какъ Вы. Только въ ея письмахъ могъ я найти такъ много истиннаго участія. И какъ оно дорого для меня! въ особенности въ настоящія минуты. Не стану благодарить Васъ, потому что не нахожу словъ высказать, что у меня на душѣ.

Если милосердый Господь услышитъ молитвы Ваши, и я останусь живъ, о!, съ какимъ удовольствіемъ пріѣду тогда я къ Вамъ, чтобъ обнять Васъ, какъ самую дорогую и близкую родственницу.

Письма Ваши отъ 4-го и 18-го Ноября я только что получилъ, и оба вмѣстѣ, что можетъ служить доказательствомъ какъ неисправности дорогъ, такъ и самыхъ почтъ.—

Вы такъ хорошо помните Севастополь, что, можетъ быть, я буду въ состояніи описать наши укрѣпленія.

„Мысль Доброй Надежды“ въ наше время носить названіе „Мыса свободныхъ размышленій“.

Какъ и прежде, это было любимымъ мѣстомъ гуляній, и двѣ густыя аллеи орѣховыхъ и каштановыхъ деревьевъ составляли единственный городской бульваръ. Теперь нѣтъ ни одного дерева; большая часть уничтожены ядрами, остальные срублены на туры и фашины, и только огромная батарея, выстроенная на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, и носящая названіе Бульварной, напоминаетъ о немъ. Съ лѣвой стороны крутой и обрывистый берегъ спускается къ Южной бухтѣ. Правѣ батареи идетъ низменное, ровное мѣсто, на которомъ устроена батарея № 4-ый. Здѣсь ближе всего подвелъ непріятель свои траншеи; здѣсь въ настоящее время самая большая потеря въ людяхъ отъ бомбъ и штуцерныхъ пулъ, и здѣсь чаще всего бываютъ по ночамъ схватки съ непріателемъ. Противъ этого же мѣста ведутъ они мину, по у насъ есть весьма искусные саперы, которые ведутъ свои

работы, и въ этомъ отношеніи мы совершенно покойны.—Правѣ 4-го №-а идетъ, по направленію къ кладбищу, опять возвышенность; по всему протяженію ея устроены батареи, примыкающія къ каменному каземату, носящему названіе бастіона № 5-ый. Отъ него, по направленію къ сѣверу, почти перпендикулярно къ рейду, идетъ оборонительная стѣна, на протяженіи около $\frac{3}{4}$ версты и оканчивается бастіономъ № 6-ой, подобнымъ 5-му. На каждомъ изъ нихъ было по четыре орудія—и этимъ ограничивались укрѣпленія наши; теперь, впереди ихъ устроены полукругомъ батареи, и каждая имѣетъ до 50 орудій самага тяжелаго калибра.—

Оборонительная стѣна, какъ и всѣ работы инженеровъ въ мирное время, отличается непрочностію: она можетъ сохранить отъ ружейнаго огня, но ядрами очень скоро будетъ уничтожена. Бастіонъ № 6-ый примыкаетъ почти вплотъ къ линіи морскихъ укрѣпленій, устроенныхъ прежде, и дѣйствительно столь грозныхъ, что несмотря на огромныя силы, непріятельскій флотъ не рѣшился войти, когда еще была къ тому возможность. Нельзя не сказать, что англійская эскадра не отличается тою отвагою и самоувѣренностію, которою такъ гордилась прежде, и кажется блестящія эпохи Джервиса и Нельсона прошли для нихъ безвозвратно.

Противъ батареи на бульварѣ, только по другую сторону Южной бухты, на возвышенной плоскости, устроена батарея № 3-ій не, менѣе, какъ изъ 70 орудій.

Глубокій и длинный оврагъ, называемый у насъ Гошпитальною балкой, отдѣляетъ ее отъ другой возвышенности, называемой Малаховымъ курганомъ. На немъ тоже была башня въ 4 орудія, разрушенная въ первый день бомбандировки; теперь спереди ея и по обѣимъ сторонамъ устроены чрезвычайно сильныя батареи, которыя въ память покойнаго Адмирала вѣдно именовать бастіономъ Корнилова. Еще лѣвѣе, въ такъ называемой Ушаковой балкѣ, идутъ батареи № 2 и 1-ый, но онѣ не такъ сильны, потому что мѣсто это можетъ быть обстрѣливаемо съ кораблей.

Такимъ образомъ, городъ окруженъ цѣнью укрѣпленій, устроенныхъ большею частью послѣ альминскаго дѣла.

Я могъ бы описать ихъ подробнѣе и начертить маленькій планъ, но боюсь, чтобъ письмо, не дойдя до Васъ, не попало къ какому ни-

будь неблагонамѣренному человѣку. Прибавлю только, что въ настоящее время у насъ строить вторую линію изъ укрѣпленныхъ редутовъ. —

Вы спрашиваете: справедливо ли, что наши заклепали непріятельскія орудія? Это дѣйствительно было, только не было надобности ходить босикомъ(?). Главная причина успѣха этого молодецкаго дѣла — безопасность непріятелей. Впослѣдствіи, имъ дали еще нѣсколько прекрасныхъ уроковъ. — Двѣ недѣли назадъ, охотники наши забрались ночью во французскія траншеи. Напавши врасплохъ, перекололи болѣе 200 человѣкъ и принесли три отнятыя мортиры: четвертую бросили, по причинѣ тяжести, на полудорогѣ. Въ этомъ участвовали только казаки и матросы. Потеря наша 7 убит. и 22 ранеными и, къ общему сожалѣнію, смертельно раненъ участвовавшій мичманъ Батьяновъ. Черезъ нѣсколько дней сдѣлали визитъ Англичанамъ и нашли ихъ спящими. Не знаю, много ли перекололи, но видѣлъ самъ 30 человѣкъ плѣнныхъ, при 3-хъ офицерахъ. Четвертаго закололи на дорогѣ за то, что, подходя уже къ нашимъ батареямъ, онъ вынулъ изъ кармана пистолеть и измѣннически застрѣлилъ боцмана. — Недалѣе, какъ вчера опять, ходили къ Французамъ. Встрѣтили партію изъ 30 человѣкъ, десять взяли въ плѣнъ; остальные тоже не воротились. Оказалось, что они тоже были охотники, шедшіе въ наши траншеи. — Это были Венсенскіе егеря и нѣсколько Зуавовъ; люди чрезвычайно видные и brave. Плѣнъ одного изъ англійскихъ офицеровъ подалъ поводъ къ забавному случаю. Вскорѣ послѣ взятія его, было передано чрезъ парламентарера письмо къ нему изъ Англіи. Конечно, у насъ распечатали и прочли его; оказалось, что одна изъ родственницъ его поручаетъ ему непремѣнно, по взятіи Кн. Меншикова въ плѣнъ, отрѣзать у него одну пуговку и прислать къ ней. Говорятъ, что Князь, узнавши содержаніе письма, взялъ одну изъ своихъ пуговиць, запечаталъ своей гербовой печатью и переслалъ къ плѣнному для передачи столь интересующейся имъ особѣ.

Вы полагаете, что политика Австріи склоняется въ нашу сторону. Дай Богъ! но я думаю иначе.

Мнѣ кажется, она зашла слишкомъ далеко, чтобъ воротиться. —

Маріи Егоровнѣ прошу передать убѣдительную просьбу: не писать ко мнѣ, даже черезъ Васъ.

Я видѣлъ Австрійцевъ вблизи, и вполне увѣренъ, что правительство не извинитъ Люд. Леопольдовичу его расположенія къ кому либо

изъ Русскихъ. А что письма прочитываются, на это я имѣю довольно доказательствъ.

По этой же причинѣ не позволяю я и себѣ писать къ нимъ, хотя и лишаю себя тѣмъ величайшаго удовольствія.

Изъ моего длиннаго письма Вы увидите, какъ много у меня свободнаго времени. Въ заключеніе считаю долгомъ поблагодарить Васъ еще разъ за Ваши письма.

Остаюсь душевно преданный и глубоко уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій

P. S. Ив. Сем. Яновскій хотѣлъ самъ писать и благодарить Васъ, а теперь свидѣтельствуесть почтеніе.

22 Декабря 1854 года.

14.

Почтенная Анна Петровна!

Отправляя къ Вамъ письмо Ив. Сем. Яновскаго, не могу отказать и себѣ въ удовольствіи побесѣдовать съ Вами, хотя въ настоящее время имѣю на это только нѣсколько минутъ.

Описывая въ послѣднемъ письмѣ укрѣпленія Севастополя, я не сказалъ ничего о томъ, гдѣ нахожусь самъ. При началѣ бомбандировки я былъ съ батальономъ на Малаховомъ курганѣ. Часть людей моихъ составляли прислугу у орудій, остальные служили прикрытіемъ на случай непріятельской атаки и были постоянно заняты устройствомъ новыхъ батарей и укрѣпленій. Въ концѣ Ноября батальонъ мой перевели совсѣмъ на другой конецъ города и поставили между бастионами № 5-ый и 6-ой.

Сзади оборонительной стѣны, почти противъ середины ея, оконченъ недавно редутъ, гарнизонъ котораго составляютъ: мой батальонъ и два Армейскихъ, самъ же я назначенъ камендантомъ. Такимъ образомъ я превратился совершенно въ пѣхотнаго офицера и только наименованіе редута въ честь моего корабля: *Ростиславскимъ*, напоминаетъ мнѣ отчасти о настоящей моей службѣ. Теперь долженъ сказать, что приказомъ отъ 6-го Декабря, я вмѣстѣ съ многими другими произведенъ

во 2-ой рангъ, за защиту Севастополя *).—Еще нѣсколько прежде я былъ назначенъ командующимъ 36-мъ экипажемъ и кораблемъ Ростиславъ, что вознаградило меня вполне за потерю фрегата Сизополя.— Назначеніе это было не вслѣдствіе какихъ либо отличій, а по стеченію благоприятныхъ обстоятельствъ.

Но я слишкомъ заговорился о себѣ: пора обратиться къ *пріятелямъ*. Положеніе ихъ незавидное и доказательствомъ служить то, что каждый день къ намъ перебѣгаютъ человѣка по три и болѣе. У Англичанъ много больныхъ и когда 2-го Января выпалъ снѣгъ и морозу было 4¹/₂ градуса, то многіе приходили съ отмороженными ногами. Вообще ихъ армія въ совершенномъ разстройствѣ. Съ нетерпѣніемъ ждемъ, когда велятъ намъ идти впередъ, и многіе находятъ это необходимымъ, но приказанія нѣтъ, и никто не знаетъ, когда будетъ.

Маріи Егоровнѣ и Люд. Леопольдовичу мое искреннее почтеніе. Остаюсь душевно преданный и глубоко уважающій Васъ

Платонъ Воеводскій

7 Января 1855 г.

14-а.

Почтенная Анна Петровна!

За пріятную новость о Батюшковѣ спѣшу и Васъ порадовать недавнимъ успѣхомъ нашихъ саперовъ.—

Давно уже было извѣстно, что непріатели вели мину подъ четвертый бастионъ. Мы вели контръ-мины и открыли ихъ работы только въ 11-ти саженьяхъ отъ угла бастиона. Заложивши зарядъ въ 15 пудовъ пороху, взорвали его и уничтожили совершенно непріательскія работы. А онѣ имъ стоили многихъ трудовъ, такъ какъ мины были заложены въ 70-ти саженьяхъ, и, по словамъ саперовъ, это небывалый примѣръ, чтобъ велись такъ издалека.

По словамъ плѣнныхъ и бѣглыхъ, Французы рассчитывали на несомнѣнный успѣхъ взрыва, и никакъ не ожидали, чтобъ замыслы ихъ были уничтожены. Вѣроятно, они начнутъ новыя работы, но рѣшительныя дѣйствія на нѣсколько времени пріостановлены. Почти на всемъ пространствѣ подвигаютъ впередъ они земляныя работы и устраиваютъ новыя батареи, а установившаяся прекрасная теплая погода даетъ возможность дѣлать успѣшно. У насъ тоже много работаютъ по укрѣпленію города. Непріатели начинаютъ называть Севастополь неприступною крѣпостью, вѣроятно, для увеличенія собственныхъ

*) Яновскій получилъ орд. св. Анны съ бантомъ и представленъ въ Лейтенанты.

заслугъ. Когда же создавались *неприступныя* крѣпости въ два-три мѣсяца? И можно ли дать это названіе землянымъ насыпямъ, сдѣланнымъ, такъ сказать, подъ выстрѣлами непріятеля? Орудій у насъ много: это правда, но въ случаѣ штурма, къ которому непріятель готовится послѣ бомбандированія, гарнизону недостаточно, а Князь не прибавляетъ. Конечно, планы главнокомандующаго никому неизвѣстны, нельзя однакоже не пожалѣть и не подосадовать, что не предпринимають наступательныхъ дѣйствій.

При совершенномъ разстройствѣ, въ которомъ находится теперь англійская армія, ее можно бы уничтожить, а безъ этого врядъ ли возможно заключеніе мира. Погода въ Крыму устанавливается скоро; вмѣстѣ съ нею оживуть и ослабѣвшіе Англичане и всеобщее мнѣніе: что дѣйствовать противъ нихъ надо теперь или никогда, а я съ своей стороны прибавлю, что, взглянувъ хорошенько въ наше положеніе, ожидаю успѣха отъ помощи и милости Божіей.

Мнѣ пишутъ изъ Петербурга отъ 11-го Января, что всѣ говорятъ о мирѣ; но я увѣренъ, что при настоящемъ ходѣ дѣлъ этого не будетъ, и что Австрія дѣлаетъ нарочно проволочки, чтобъ имѣть возможность хорошенько приготовиться; но какое то убѣжденіе говоритъ мнѣ, что въ этотъ разъ она заплатится за свою безсовѣстность.

Благодари умнымъ распоряженіемъ Барона Остенъ-Сакена, мы воспользовались полученнымъ урокомъ, который, однакоже, слишкомъ дорого намъ стоилъ: у насъ начали отливать, по примѣру иностранцевъ, вмѣсто круглыхъ пуль—коническія; онѣ летятъ вдвое дальше и теперь наши ружья мало уступятъ непріятельскимъ; а необыкновенная разность въ качествѣ оружія была одна изъ главныхъ причинъ огромной потери въ людяхъ въ предыдущихъ сраженіяхъ.

Вы не можете себѣ представить, какъ порадовало меня письмо Маріи Егоровны, но отвѣчать не рѣшаюсь по причинамъ, высказаннымъ въ одномъ изъ прежнихъ писемъ.

Прошу Васъ передать мой искренній поклонъ, я поблагодарю ее, когда Богъ приведетъ насъ встрѣтиться.

Людвигу Леопольдовичу прошу передать мое почтеніе. Съ душевною преданностію и чувствомъ истиннаго почтенія остаюсь Вашъ покорный слуга

Платонъ Воеводскій

26-го Января 1855 г. Севастополь.

Сообщ. М. В. Безръ.